

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Эдельберт Холль

**ПЕХОТИНЕЦ
В СТАЛИНГРАДЕ**

**ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК КОМАНДИРА
РОТЫ ВЕРМАХТА**

1942–1943

За линией фронта. Мемуары

Эдельберт Холль

**Пехотинец в Сталинграде.
Военный дневник командира
роты вермахта. 1942–1943**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Холль Э.

Пехотинец в Сталинграде. Военный дневник командира роты вермахта. 1942–1943 / Э. Холль — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5194-0

Эдельберт Холль, лейтенант германской армии, командир пехотной роты, подробно рассказывает о боевых действиях своего подразделения под Сталинградом и затем в черте города. Здесь бойцы его роты в составе пехотной, а затем танковой дивизии вели бои за каждую улицу и каждый дом, отмечая, что в этих условиях им приходилось осваивать совершенно иной, незнакомый прежде вид боя. Красноармейцы оказывали ожесточенное и упорное сопротивление, ведя огонь из «любой дыры или пролома в стене и появляясь даже из-под земли». Основываясь исключительно на личных воспоминаниях, Холль скрупулезно описывает ход боевых действий, рассказывает о тяжелых потерях, суровом фронтовом быте и о печальном завершении его сталинградской эпопеи.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5194-0

© Холль Э.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1. Бои в районе устья реки Царица. От женской тюрьмы ГПУ до берега Волги за три дня. 23–27 сентября 1942 г.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдельберт Холль
Пехотинец в Сталинграде.
Военный дневник командира
роты вермахта. 1942–1943

Adelbert Holl

Was geschah nach Stalingrad?

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1. Бои в районе устья реки Царица. От женской тюрьмы ГПУ до берега Волги за три дня. 23–27 сентября 1942 г.

23 сентября

– Лейтенант Холль докладывает о возвращении из отпуска после лечения.

Я стоял перед моим батальонным командиром майором Циммерманом.

– Мой бог! Холль, сами небеса послали мне вас!

Я вопросительно посмотрел на худое, вытянутое лицо майора.

– Да, сейчас я вам расскажу, – продолжал он, – что за последние дни мы потеряли всех командиров рот. Вашего предшественника обер-лейтенанта Менерта; лейтенант Янке из 5-й роты во время атаки в южной части Сталинграда потерял правую руку, печальная история. А 8-й ротой пока командует обер-фельдфебель Якобс. Теперь у меня, по крайней мере, будете вы и мой адъютант лейтенант Шулер.

Этот высокий худощавый человек, годившийся по возрасту мне в отцы, сидел, ссутулившись, на деревянном ящике и серьезно смотрел на меня. Пламя свечи отражалось в линзах очков майора.

– Мы со дня на день ждем людей взамен, которых за просили срочно. Наверное, пополнение уже в пути. 8 июля мы снялись с зимних позиций в районе реки Северский Донец у Нырково, чтобы принять участие в летнем наступлении. Атака на позиции, где вас ранили в апреле, с самого начала стоила нам тяжелых потерь. Командир 5-й роты лейтенант Ридель был убит, и его сменил лейтенант Янке. Лейтенант Мадер из 6-й роты был ранен, и на его место был назначен лейтенант Крамер. Мы прошли через Ворошиловград и наступали в основном в юго-восточном направлении, на Кавказ. После переправы через Дон продолжили движение через калмыцкие степи, строго на юго-восток. В низине у Катищева мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением. После того как сломили его, поступил приказ сместиться левее и двигаться на северо-восток к Сталинграду. На южной окраине города нам снова пришлось преодолевать упорное сопротивление противника. А теперь застряли здесь в этих уличных боях.

Я внимательно осмотрелся вокруг. Поскольку я не знал города, батальонный посыльный встретил меня ближе к вечеру где-то в южном пригороде. Он проводил меня к этому трехэтажному каменному строению и провел на КП батальона через целый лабиринт подвальных проходов. Сейчас я находился в голом подвальном помещении без окон, пропахшем сыростью и плесенью. Мне сказали, что всего несколько недель назад здесь располагалась женская тюрьма.

– А теперь расскажите, что с вами произошло после ранения в Нырково.

– Это потребует всего нескольких коротких фраз, герр майор. После операции в Бад-Швальбахе, где мне вынули пулю из правого плеча, в госпитале мне предоставили отпуск по случаю женитьбы. Мы поженились 20 июня этого года. Потом мой отпуск закончился, и мне пришлось отправиться в 173-й эрзац-батальон¹ в город Наумбург на реке Зале. Там я встретил нескольких сослуживцев из нашей дивизии, в том числе моего нынешнего командира гауптмана Шольца, бывшего командира моей роты обер-лейтенанта Ферстера, лейтенантов Малетца и Шрибеля из нашего батальона, а также нескольких офицеров из других полков. Лейтенант Малетц предложил мне стать инструктором истребителей танков, но я отклонил это предложение, потому что хотел вернуться на фронт к своим товарищам. Тогда мне дали дополнительный отпуск до получения назначения. 20 августа я снова был в Наумбурге, где получил

¹ Эрзац-батальон – запасной пехотный полевой батальон. (Здесь и далее примеч. ред.)

приказ отправиться в 134-ю пехотную дивизию, развернутую на центральном участке фронта, в районе Орла. Несмотря на то что командование и солдаты встретили меня дружески, я не был удовлетворен. Там не было моих старых товарищей. Здесь в батальоне я знал почти каждого. Я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Тот факт, что меня назначили офицером пехотной охраны к командиру XXXXI танкового корпуса генералу танковых войск Гарпе, ничего не менял. Под предлогом того, что меня все еще беспокоит моя прошлая рана, когда пуля попала в легкое, я попросил генерала Гарпе отправить меня домой, чтобы закончить лечение. Вот приказ об отправке. Путь до родного подразделения занял у меня ровно восемь дней.

Майор проворчал:

– Так все это было просто уловкой?

– Так точно, герр майор.

– Можете больше не беспокоиться об этом. В полку позаботятся о необходимых бумагах.

– Благодарю, герр майор.

– Можете переночевать на КП, а завтра примете свою 7-ю роту. С вами поедет лейтенант Шулер; он отправляется на передний край, чтобы убедиться, все ли там в порядке, Шулер введет вас в курс дела относительно текущей обстановки на фронте. А как обстоят дела дома? Как ваша жена и родители?

– Прекрасно, господин майор. Все счастливы и довольны, особенно тем, что я быстро оправился от ранения. Все баловали меня целые восемь недель отпуска.

– Я очень рад за вас, Холль. Кто знает, как долго вам придется ждать, пока вы снова получите отпуск домой. А вот и лейтенант Шулер.

Я обернулся и увидел хорошо знакомое мне лицо моего друга Йоахима Шулера. Он тоже сразу же узнал меня. Его лицо засияло от радости.

– О, Альберт, это здорово, что ты вернулся. Ты прибыл прямо из дома?

Мы схватили друг друга за руки, посмотрели друг на друга и обнялись.

– Нет, Йохен. Я прибыл прямо из района Орла, с центрального участка фронта. Остальное тебе расскажет командир. Как там, на фронте?

Его глаза сразу же стали серьезными.

– В настоящее время на передовой спокойно, но мы отчаянно нуждаемся в пополнении, так как последние недели выдались тяжелыми для людей и лошадей. После начала наступления у Нырково, после зимнего перерыва, мы понесли значительные потери. Убит Хельмут Ридель, ранен Франц Мадер, лошадь Зигфрида Пёнигга наступила на мину, после чего погибли и лошадь, и он сам. Уже здесь, напротив южной части Сталинграда, был ранен твой предшественник по 7-й роте обер-лейтенант Менерт. Ганс Янке, принявший 5-ю роту после смерти твоего друга Риделя, лишился правой руки. Что касается солдат, то и здесь дела не лучше: многие из старых бойцов убиты или ранены. Самое время для нас получить хоть какое-то пополнение.

Несмотря на приятные чувства от встречи с друзьями, я резко вернулся в грубую действительность. Всего шесть месяцев назад в батальоне наличествовала хорошо отлаженная структура командования: командиром был капитан доктор Циммерман, адъютантом – лейтенант Шулер, компаниефюрером² 5-й роты был лейтенант Ридель, 6-й – лейтенант Мадер, 7-й – я, лейтенант Холль, 8-й – лейтенант Вайнгартнер. Сюда же следовало добавить батальонного врача доктора Щепански и начальника тыловой службы оберцальмайстера³ Кноппа. Мы знали друг друга с самого дня формирования дивизии в сентябре 1939 г., познакомившись на войсковых учениях в Кенигсбрюкке, северо-восточнее Дрездена. Спустя всего три года остались лишь немногие из нас.

² Компаниефюрер (Kompanieführer) – офицер, отвечающий за роту, или временно назначенный командир роты.

³ Оберцальмайстер (Oberzahlmeister) – офицер финансовой службы вермахта.

- Пойдем, можешь ложиться здесь, а завтра утром я сразу же провожу тебя в твою роту.
- Спасибо, Йохен. Я устал как собака.

Я улегся на шерстяное одеяло, сделал себе «подушку» из своего походного мешка и попытался заснуть. В полусне я слышал, как наш командир говорит по полевому телефону со штабом полка. Снаружи через подвальные перекрытия доносились приглушенные звуки разрывов легких бомб и шум моторов «швейных машинок»⁴, – как мы называли русские самолеты Ильюшина. Все это говорило мне, что я снова дома в своем подразделении.

24 сентября

Я проснулся оттого, что кто-то трясет меня за плечо.

- Господин лейтенант, господин майор хочет с вами поговорить.

Я вскочил на ноги. Быстренько пригладил мундир, и вскоре уже стоял перед своим командиром.

- Лейтенант Холль прибыл по вашему приказу!

- Спасибо, Холль. Вы хорошо выспались?

- Яволь, господин майор, настолько хорошо, насколько позволили обстоятельства.

– Что ж, тогда начнем. Посмотрите на обстановку на карте. Нам приказано пробиваться к Волге отсюда, по обеим сторонам Царицы, вот этой речушки, которая протекает здесь и примерно через 1000 метров по прямой впадает в Волгу. Противник оборудовал позиции в развалинах зданий и оказывает нам упорное сопротивление. Отсюда мы будем наступать по прямой. Именно здесь вчера наши саперы продвинулись к южному флангу неприятеля и попытались выкурить его оттуда с помощью огнеметов до наступления темноты. Однако им пришлось отойти с большими потерями. Вашим соседом справа, на другом берегу Царицы, будет 3-й батальон под командованием гауптмана Риттнера. Сосед слева – 14-я танковая дивизия⁵.

Разграничительная линия с соседом слева проходит по этой улице, которая практически прямо идет к Волге. Вам будут подчинены остатки 5-й и 6-й рот, а 8-я рота пока останется под командованием обер-фельдфебеля Якобса.

Позавчера мы получили подкрепления из фельдersatz-батальона⁶, в основном восемнадцати- и девятнадцатилетние судетские немцы, не имеющие боевого опыта. Я жду, что вот-вот должны прибыть офицеры. У меня пока нет точного времени начала атаки из штаба полка, но думаю, что это будет 6 часов утра. У вас есть вопросы?

– Нет, господин майор. Я рад, что там будет гауптман Риттнер, и мне, по крайней мере, не придется беспокоиться за свой правый фланг.

– Да, Холль. Здесь, на фронте, Риттнер имеет твердую, как у скалы, репутацию. Именно за успехи, которых добился он со своим батальоном, его представили к Рыцарскому кресту.

– Я очень рад за него. Теперь, ознакомившись с картой, я имею лучшее представление о расположении Сталинграда. Он похож на мой родной город Дуйсбург. Оба лежат на берегах реки, оба имеют протяженность с севера на юг около 30 километров, а с запада на восток – примерно 8–10 километров. Только мой родной город расположен на восточном берегу Рейна, а Сталинград – на западном берегу Волги.

– В самом деле, теперь у вас дела пойдут лучше. Ваш посыльный Марек отведет вас на ротный командный пункт. Берегите себя, и удачи вам.

⁴ «Швейными машинками» или «кофемолками» немцы называли самолеты-бипланы конструкции Николая Поликарпова У-2 из-за специфического шума при работе двигателя. Созданный как учебный самолет, в годы войны был переоборудован в ночной бомбардировщик и использовался для уничтожения колонн войск и железнодорожных станций противника. После смерти Поликарпова в 1944 г. самолет переименовали в его честь, назвав По-2.

⁵ Автор неточен. По имеющимся данным, подразделение, которое располагалось слева от него, было 171-м разведывательным батальоном пехотной 71-й дивизии.

⁶ Фельдersatz-батальон (Feldersatz-Batallion) – запасной учебный батальон.

Я отсалютовал командиру и вышел из помещения. Оберфрейтор Марек уже ожидал меня в прихожей. Я знал его еще с тех времен, как прибыл в свою роту. Он был родом из Верхней Силезии, где у него была небольшая ферма. Этот человек олицетворял собой надежность. Его лицо светилось, и я понимал, что эта радость от моего возвращения была искренней. Я был рад снова видеть давно знакомое мне его лицо надежного солдата.

– Ну что, Марек, старый плут, как дела? – Я протянул ему руку.

– Хорошо, господин лейтенант, мне чертовски повезло!

– Вы уже были в отпуске?

– Нет, господин лейтенант, последний раз это было после Франции.

– Тогда, черт возьми, вот-вот получите его!

– Да, конечно, но я не женат, и мне уже пришлось несколько раз пожертвовать им ради товарищей, у которых есть семьи.

– Ну, когда вся эта суэта закончится, придет и ваша очередь. Я прослежу за этим.

Пока мы так переговаривались, Марек вывел меня наружу через лабиринт проходов под бывшей женской тюрьмой. Через улицу от нас, параллельно ей, почти строго с севера на юг вела железнодорожная ветка. Я посмотрел на часы. Было почти 4 часа утра. Мы сменили направление, повернув на восток, и отправились туда, где должна была располагаться Волга. Время от времени до нас доносились звуки пулеметного и ружейного огня. Он слышался где-то слева от нас, со стороны центра города. На фоне медленно светлеющего горизонта четко выделялись развалины каменных зданий, молчаливые и мрачные. Пустующие места перед ними – груды обгоревших балок – все еще продолжали тлеть и дымиться. Примерно через 100 метров Марек завел меня в подвал полусторевшего кирпичного дома. Наконец-то я прибыл в свою роту, на командный пункт. Он располагался под землей, в подвале, перед которым высились остатки кирпичной стены. Отсюда мы могли наблюдать за противником. Когда я вошел внутрь, различить то, что находилось рядом, можно было лишь при слабом свете лампы Гинденбурга. Вот передо мной вытянулась по стойке смирно человеческая фигура, которая начала докладывать:

– Командный пункт 7-й роты. Фельдфебель Гроссман и три посыльных рады приветствовать ваше возвращение в роту, господин лейтенант.

Я посмотрел в глаза своим верным друзьям в некотором волнении. Небритые лица, черные от сажи, на которых видно напряжение последних недель. Все они были по-настоящему рады снова меня видеть. Слова были излишни: все сказали крепкие рукопожатия.

– Спасибо, Гроссман, вольно. Доброе утро, товарищи.

– Доброе утро, господин лейтенант!

– Марек, вы пока останетесь здесь. Гроссман, проводите меня. Нам приказано атаковать примерно через два часа. Марек, приведите сюда командиров 5, 6 и 9-й рот и проинформируйте их, что приказом командира батальона они поступают в мое подчинение. Вы знаете, где находятся их КП?

– Яволь, господин лейтенант! Здесь, в городе, все сидят друг у друга на головах.

После того как Марек выбрался наружу, фельдфебель Гроссман показал мне на трофейной карте Сталинграда наши позиции. Посмотрев наверх, я скользнул взглядом по улыбающемуся лицу унтер-офицера; на нем был Железный крест 1-го класса. Мои глаза расширились от удивления.

– Боже правый! Павеллек Жушко! Я что, сплю? Вы – унтер-офицер, и на вас Железный крест 1-го класса! Как вы добились этого?

Фельдфебель Гроссман ответил за своего подчиненного:

– Три дня назад Павеллек с помощью легкого миномета вывел из строя батарею ратш-бум⁷, за что получил повышение до унтер-офицера и был награжден Железным крестом 1-го класса.

– Фантастика! Жушко, вы должны рассказать мне об этом.

– Ну, господин лейтенант, мы пробивались в южную часть Сталинграда, когда я заметил целую батарею, четыре орудия, которую руками толкали на позиции, как раз на перекресток. Тогда я установил за стеной легкий миномет и вскоре, уже после второго выстрела, добился практически прямого попадания, а потом только и делал, что загонял по ним снаряд за снарядом. 20–30 выстрелов – это как проливной дождь. Точно так же, как делали вы у Канева, на реке Днепр, когда иваны подошли к нам на 40 метров по пшеничному полю, а вы принесли им избавление от мук сверху с помощью легкого миномета. Я ничего не забыл.

Мысленно я снова вернулся в Оберлаузиц и, позже, во Францию, когда я обучал этих грубоватых, но честных парней из Верхней Силезии владению оружием пехоты. Иногда они наверняка проклинали меня про себя, но все же они знали, что я к себе относился не менее строго. Прежде всего я должен был продемонстрировать солдатам, на что они могли рассчитывать. И здесь мне следовало передать им то, чему меня самого обучали мои инструкторы из рейхсвера. Мои учителя в основном сами были выходцами из Силезии и Восточной Пруссии.

– И что случилось потом?

– Ну, весь батальон сделал рывок вперед. Благодаря силам небесным иваны едва сопротивлялись, и мы сумели захватить еще один кусок этого проклятого города.

Я повернулся к фельдфебелю Гроссману. Он оказался в моей 7-й роте после Канева, когда год назад, в августе 1941 г., 1-й батальон был буквально растерзан в клочья и его остатки распределили между 2-м и 3-м батальонами. Он был уроженцем Мекленбурга. Это был высокий, стройный голубоглазый блондин, типичный потомок викингов. Было сразу видно, что на этого человека можно положиться.

Происхождение фельдфебеля выдавал его акцент уроженца севера Германии. Для этого говора характерно отчетливо слышное твердое «с», в то время как для выходцев из Верхней Силезии – раскатистый звук «р».

– Итак, Гроссман, что успело произойти после моего ранения в Нырково 19 апреля? Но только, пожалуйста, в самых общих чертах.

– Вы знаете, что нам приказали взять штурмом бастион 8 июля. Задача была поставлена вашему предшественнику обер-лейтенанту Менерту. Его ранили незадолго до того, как мы вышли на южную окраину Сталинграда. Это произошло десять дней назад. После этого я принял командование ротой. Атака на бастион у Нырково обошлась нам дорого.

Там же был убит и лейтенант Ридель. На всем южном участке фронта царил беспорядок. Для нас это в основном означало, что нужно было идти и идти маршем вперед. Мы едва поспевали за моторизованными подразделениями. Мы двигались в юго-восточном направлении через Ворошиловград и Калач в сторону калмыцких степей, но после этого дивизию развернули на восток, и мы стали продвигаться к Сталинграду с юга. Лейтенант Янке, сменивший лейтенанта Риделя в 5-й роте, потерял правую руку вскоре после того, как мы вышли к окраинам города. Лейтенант Пёнигк наехал на мину у Ворошиловграда и погиб. В роте осталось всего несколько человек от ее прежнего состава. Сейчас, после вашего прибытия, в составе роты 1 офицер, 2 фельдфебеля, 2 унтер-офицера и 39 солдат – всего 44 человека. Фельдфебель Капаль находится поблизости; он командует взводом. Три отделения командуют унтер-

⁷ Ратш-бум (Ratsch-Bum) – немецкое прозвище советских дивизионных 76-мм пушек (Ф-22, УСВ, ЗИС-3), обладавших настолько высокой начальной скоростью полета снаряда (706, 680 и 680 м/с для осколочно-фугасного снаряда соответственно), что выстрел и попадание в цель слышались почти одновременно.

офицер Роттер, обер-ефрейтор Диттнер и обер-ефрейтор Ковальски. Унтер-офицер Павелек является командиром роты и одновременно мастером на все руки.

Тут снаружи распахнулась раздвижная дверь. Вошел внутрь и застыл по стойке смирно солдат.

– Обер-фельдфебель Якобс докладывает о прибытии по вашему приказанию.

– Спасибо, мой друг, рад снова вас видеть.

Мы пожали друг другу руки. Только если ты участвовал в жестоком бою, при этом полнотью полагаясь на обер-фельдфебеля Якобса и его взвод тяжелых минометов, ты сможешь понять ту короткую волну сердечных чувств, что мы почувствовали при нашей встрече. В меня вселило дополнительную уверенность то, что эти испытанные в боях воины будут участвовать в предстоящей атаке. Гроссман и Якобс. Они напоминали братьев: ведь Якобс тоже был родом с севера Германии.

Теперь я ждал появления моего друга Ули Вайнгартнера, который после ранения лейтенанта Янке принял командование 5-й ротой. Вайнгартнер прибыл к нам из 14-й противотанковой роты.

Еще будучи молодым добровольцем, он застал окончание Первой мировой войны. Это был самый старший из наших товарищей. У него находилось время для всего; он был абсолютно надежным человеком и пользовался повсеместной симпатией. Я тоже успел привязаться к этому человеку, и разница в возрасте, что существовала между нами, ничего не значила. Ули появился всего через несколько минут.

– Доброе утро, господа. – Его лицо озарилось улыбкой, когда он здоровался со мной. – Боже мой, Берг, это замечательно снова встретиться с вами! Я уже слышал о вашем прибытии и был рад, что еще один старик вернулся в батальон.

Мы крепко пожали друг другу руки. Присутствие наших павших товарищей и тех, кто еще был жив, когда меня ранили в апреле, но теперь уже не был с нами, незримо ощущалось в помещении. В этом рукопожатии было что-то печальное, что-то, что давило на нас тяжким грузом.

– Итак, дорогой Ули, позже вы расскажете мне о том, что произошло с вами за прошедшие месяцы. До прибытия лейтенанта Фухса доложите мне, пожалуйста, о том, как сейчас здесь выглядит фронт.

– Да, мой друг, последние дни выдались чертовски тяжелыми и стоили нам очень дорого. Русских застал врасплох удар наших танковых и моторизованных войск, которые создали так называемую блокирующую позицию севернее города, чтобы отразить удары с севера, ожидая частей, которые придут следом, чтобы вступить в город и овладеть им. Так же было и тогда, когда мы пробивались в южную часть Сталинграда из калмыцких степей. Лейтенант Янке успел увидеть город, прежде чем был ранен, и я принял роту. Самый тяжелый бой был у элеватора. Остальные кирпичные и бетонные здания также обороняли вооруженные до зубов иваны. Это для нас абсолютно новый вид боя. Приходится ждать огня из любой дыры или пролома в стене. Эти парни появляются даже из-под земли. Они знают местную систему канализации. Внезапно они появляются из лазов, стреляют в вас сзади, убивают или ранят пару солдат, а потом исчезают, подобно призракам. Ничего невозможно заметить. Все бывает совершенно неожиданно. Мы теперь стали более осторожными и стреляем на любое движение. Нам пришлось заплатить слишком высокую цену кровью!

Я посмотрел на часы. На них было 04.45. Скоро нам должны были сообщить, на какое время назначена атака. В это время пришел и доложил о своем прибытии лейтенант Фухс, который командовал 6-й ротой или, что будет точнее, ее остатками, потому что в плане боевой ценности все мы были лишь славными взводными командирами. Мы представились друг другу, и я позволил лейтенанту доложить о текущих позициях роты, указав их на карте (трофейной карте города Сталинграда). Соответственно я пояснил свое местоположение на левом

фланге батальона; соседом слева было правофланговое подразделение 71-й пехотной дивизии, а именно ее разведывательный батальон. Правее меня находились позиции 6-й роты, соседом справа которой было, в свою очередь, подразделение нашего 3-го батальона. Разграничительная линия проходила по реке Царице. 5-я рота находилась в резерве и располагалась за позициями 6-й роты. А 8-я рота с ее 4 тяжелыми минометами и 4 тяжелыми пулеметами была оставлена в тылу обеих рот первого эшелона.

– Господа, нам приказано занять высотное здание, обозначенное здесь на карте. Вы видите, что оно имеет форму буквы U или подковы, и обе стороны этой подковы развернуты в нашу сторону. Вы лучше меня знаете, насколько ожесточенное сопротивление оказывает противник, поскольку еще со вчерашнего дня безуспешно пытаетесь атаковать. Вскоре мы узнаем от посыльного, когда должна начаться атака, получим ли мы поддержку от нашей артиллерии или от 13-й роты с ее гаубицами. Поскольку все вы находитесь неподалеку от своих подразделений, я предлагаю вам подождать здесь прибытия посыльного.

Мы попытались разглядеть через дыру в стене поле боя, что лежало перед нами. Уже начинало светать. Дым от тлеющего дерева в разрушенных многоквартирных домах плотной завесой лежал над всем районом. Ветер вновь раздувал огонь то здесь, то там. Целились в небо беспорядочно разбросанные повсюду печные трубы сожженных дотла деревянных домов. Впереди нас, примерно в 300 метрах, можно было различить закопченный силуэт высотного здания. Он еще не был освещен достаточно, чтобы можно было разглядеть детали. Между ним и нами были лишь развалины кирпичных стен, голые печные трубы и тлеющие остатки сгоревших деревянных бревен. Нужно было решить, как мы сможем пересечь этот обширный участок и дойти до многоквартирного дома. Центральная часть здания была основательно разрушена после прямых попаданий бомб, однако по бокам из дома продолжали вести пулеметный огонь, который не прекращался со вчерашнего дня, выдавшегося таким тяжелым для наших солдат, не сумевших продвинуться вперед.

– Якобс, вы должны подавить любой огонь противника по бокам здания прицельным огнем из всех тяжелых пулеметов. Особенно это важно там, где иваны занимают верхние этажи и могут оттуда обстреливать наших людей сверху. Вы должны сровнять с землей цели внизу огнем тяжелых минометов. По возможности мы будем поддерживать связь и визуальный контакт. Герр Фухс, вы возьмете на себя цели перед нашим южным флангом, то есть справа отсюда. Моя рота займется северным, левым крылом. Тем самым мы будем атаковать на узком участке и сможем поддерживать визуальный контакт и даже кое-где общаться командами голосом. У кого-то из вас есть вопросы? Нет? Тогда всем надо ждать сигнала для начала атаки.

Когда уже медленно начинало светать, появился мой старый друг Марек.

– Господин лейтенант, по приказу командира батальона атака должна начаться ровно в 7 часов утра. На первом этапе батальон не может рассчитывать на поддержку огнем тяжелой артиллерии, так как она поддерживает подразделения на других участках.

– Спасибо, Марек, доложите господину майору, что мы атакуем, как приказано. При этом сообщите, что мы просим как можно скорее обеспечить нам артиллерийскую поддержку.

– Яволь, господин лейтенант! – Марек отдал честь, развернулся кругом и полез наружу.

– Теперь, господа, вы все слышали, что у нас не будет поддержки артиллерии. Надеюсь, удача будет с нами, и я желаю ее всем вам. Давайте сверим время: на моих часах сейчас 05.25. Господин Фухс, обе наши роты пойдут вперед в 6 часов. Мы будем двигаться так тихо, как только сможем, чтобы пройти через участок перед нами, не потревожив противника. Как нам быть далее, покажет обстановка. Ули, вы со своей ротой останетесь здесь. Держите связь со мной и ждите дальнейших указаний.

Рукопожатия с товарищами, и вот я снова остался один со своими компаниетрупп⁸ и фельдфебелем Гроссманом.

– Гроссман, вы останетесь на левом фланге роты, когда мы пойдем вдоль улицы. На этой карте видно, что улица проходит слева от цели нашей атаки. И еще: скажите солдатам, чтобы они соблюдали осторожность. Из-за того, что нас теперь осталось так мало, любые потери будут для нас болезненны вдвойне.

– Слушаюсь, господин лейтенант, нам повезло, что три дня назад мы успели получить двадцать человек пополнения из резервного батальона. Там восемнадцати- и девятнадцатилетние судетские немцы. Никакого боевого опыта, только начальная подготовка. Они даже никогда не метали настоящие ручные гранаты. Я уже распределил их среди остатков роты и передал в руки нашим старым испытанным парням.

– Это значит, что почти каждый второй из нас – новичок, не имеющий боевого опыта! Что ж, тогда порадуемся хоть этому!

– Скоро он у них появится, господин лейтенант. В общем, они производят хорошее впечатление.

– Я верю вам, Гроссман, но без боевого опыта и попасть в такую сложную обстановку – это будет несколько сложно для этих парней. Нам нужно быть особенно внимательными к ним, чтобы они не попали в мясорубку. Ладно, уже почти время выдвигаться. Но как я сказал, вы остаетесь на левой стороне улицы и пойдете так, чтобы я знал, где вы находитесь, и всегда мог бы с вами связаться. Берегите себя!

– Спасибо, господин лейтенант!

Оставалось уже всего 15 минут до того, как мои товарищи двинутся вперед. Со мной остались унтер-офицер Павеллек, обер-ефрейтор Неметц и обер-ефрейтор Вильман. Я сам обучал этих людей после окончания Французской кампании, когда дивизию на шесть месяцев разместили в Оберлаузице близ Циттау. Не было такого вида легкого пехотного вооружения, которым они не овладели бы, и никогда не было случая, чтобы кто-то из них не справился с задачей посыльного. Год на фронте сплотил нас, и каждый из нас знал, насколько мы зависим друг от друга.

– Жушко!

– Господин лейтенант?

– У вас все еще при себе ваше особое оружие?

– Яволь, герр лейтенант! Оно находится в обозе, и нам придется подождать, пока его доставят сюда.

– Хорошо. Подумайте об этом, когда сегодня вечером подойдет гауптфельдфебель⁹ Михель с полевой кухней. Кстати, как он сейчас?

– Нормально, господин лейтенант! На него, как и прежде, всегда можно положиться. Там, где другие не могут найти свои роты, Михель обязательно дойдет.

Я чувствовал бы себя спокойнее, если бы мой арсенал был при мне. К «особому оружию» относились заряды взрывчатки, полученные из ручных гранат, русский автомат, русское противотанковое ружье и боеприпасы к ним. После первых же боев в России мы поняли, что русские автоматы и противотанковые ружья были более надежными, чем наши. Наши были хороши, но капризничали при загрязнении. Уже давно я возил с собой боеприпасы, которые можно было использовать с трофейным оружием, – просто на всякий случай. И несколько раз в прошлом мне приходилось пускать их в ход, и это приносило пользу.

⁸ Компаниетрупп (Kompanietrupp) – личный состав управления роты.

⁹ Гауптфельдфебель (Hauptfeldwebel) – старший сержант, старший среди унтер-офицерского состава, отвечающий за решение в подразделении небоевых задач.

За две минуты до назначенного времени атаки я посмотрел в небо. На всем его просторе вдалеке и вширь не было ни облачка, если не считать дыма пожаров вокруг нас. На востоке горизонт становился все ярче. С каждой минутой силуэты домов перед нами, точнее, развалин домов, становились все более различимыми. Объект нашей атаки также явно выделялся на фоне окружающих его зданий. Справа и слева от нас время от времени раздавались пулеметные очереди или ружейный огонь. Слышались залпы нескольких орудий противника с восточного берега Волги; эти снаряды разорвались на некотором удалении от нас. День обещал быть жарким. Мои часы показывали, что наши солдаты должны были уже начать движение. Противник пока не должен был ничего обнаружить, так как в нашу сторону не раздавалось ни выстрела. Хорошо бы подойти к высотному зданию незамеченными. Теперь мое внимание было полностью приковано к тому, что происходило впереди. Унтер-офицер Павеллек и оба посыльных сидели молча: они тоже полностью сосредоточились на том, что происходит перед нами. Вдруг на нашем участке застучал русский пулемет. Сразу же за пулеметными очередями слышались винтовочные выстрелы. На этом участке разгорался бой.

В этот же момент открыли огонь тяжелые пулеметы 8-й роты. Пули с жужжанием отскакивали рикошетом от встреченных препятствий на местности. Неожиданно наступил яркий день. В свой бинокль я мог полностью различить назначенную нам цель. Это было шестизэтажное здание из красного кирпича шириной около 80 метров. По обоим бокам от главного здания отходили пристройки еще примерно по 20 метров в ширину. Своей структурой здание напоминало перевернутую прямоугольную латинскую букву U. Центральную часть разбомбили самолеты нашей авиации и артиллерия. Сквозь оконные проемы внутри можно было рассмотреть огромные кучи строительного мусора. В этой части здания я не сумел обнаружить противника. Однако обороняющиеся вели огонь из обоих боковых пристроек. Иваны обнаружили на верхних этажах. Отсюда они могли держать под контролем все окрестности. Наша атака была остановлена примерно в 150 метрах от цели. Отделения заняли укрытия и вели огонь самостоятельно. На моем КП появились посыльные от лейтенанта Фухса и фельдфебеля Гроссмана, которые доложили мне то, что я и так уже знал сам. Я передал приказ всем залечь и ожидать дальнейших указаний.

– Вильман!

– Господин лейтенант?

– Доложите в батальон: атака началась в 6 часов утра. Мы продвинулись примерно на 150 метров и были вынуждены залечь под огнем обороняющихся. Противник контролирует поле боя и ведет пулеметный огонь сверху с господствующих позиций. Мы не можем продолжить движение без поддержки огнем тяжелой артиллерии. Срочно требуется поддержка! Вы записали?

– Так точно, господин лейтенант!

Я знаком отпустил его, и Вильман выбрался наружу. Теперь солнце в небе было видно полностью. Становилось теплее. Я отослал обер-ефрейтора Неметца за лейтенантом Вайнгартнером и обер-фельдфебелем Якобсом. Вскоре оба они уже были у меня. Было уже девять часов утра. Всегда забываешь о времени, когда все твоё существо находится в состоянии тревоги и озабоченности, когда от тебя требуется находиться в таком состоянии ума, что позволяет находить нужное решение с молниеносной скоростью. Я обсудил обстановку с обоими товарищами. Слава богу, по поступившим докладам, мы пока не понесли потерь.

– Ули, вам все ясно?

– Так точно, Берг!

– Якобс, в текущей обстановке дальности ваших тяжелых минометов не хватит, чтобы достичь иванов, расположившихся в боковых пристройках здания. Но можно попытаться уничтожить их гнезда огнем тяжелых пулеметов.

– Господин лейтенант, мы уже сумели точно установить расположение русских пулеметных гнезд, но эти парни очень шустрые. Они меняют позиции, стреляют очередями с нерегулярными временными интервалами, ведут огонь то оттуда, то отсюда, затем вовсе прекращают его. Моим людям приходится проявлять чудеса изобретательности.

– Да, я тоже заметил это и уже доложил об этом в батальон. Более того, я запросил о срочной поддержке огнем тяжелой артиллерии. При нашей относительно низкой боевой ценности нам следует избегать любых бесполезных потерь. Я оцениваю положение таким образом, что нам не удастся пробиться вперед до тех пор, пока не будут зачищены все эти очаги сопротивления. Кроме того, сосед слева от нас не проявляет никакой заметной активности. Его участок также находится под пулеметным и ружейным огнем из левого крыла того здания. Судя по звукам боя, они находятся сейчас где-то левее и сзади нас. Якобс, возвращайтесь в свою роту и продолжайте подавлять противника огнем тяжелых пулеметов. Ули, вы останетесь здесь с унтер-офицером Павеллеком и дождетесь меня. Неметц, вы пойдете со мной. Я хочу навестить наших соседей слева и узнать, какова сейчас обстановка.

– Хорошо, Берг. Желая благополучного возвращения.

Я отправился в тыл, используя все имеющиеся на местности укрытия. Скачками и перебежками от одних развалин к другим. Я старался, чтобы меня не заметили или, по крайней мере, чтобы враги видели меня лишь мельком. Примерно через 100 метров быстрого бега мы перебежали через улицу, служившую разграничительной линией между нами и соседями слева. Мне пришлось несколько раз спрашивать, где находится командный пост соседнего подразделения, прежде чем я до него наконец добрался. Все это время солнце нещадно грело мне кожу, так что я обливался потом. Я представился командиру 171-го разведывательного батальона и доложил ему, что являюсь его соседом справа.

– Лейтенант Холль, исполняющий обязанности командира 7-й роты 276-го пехотного полка.

– Фон Винтер.

– Господин оберст-лейтенант (подполковник), я хотел бы узнать, как далеко вперед вам удалось продвинуться. Мы должны были захватить высотное здание, верхнюю часть которого вы можете отсюда наблюдать. Наша атака застопорилась в 150 метрах, и сейчас мы периодически попадаем под пулеметный и ружейный огонь с верхних этажей главного здания и с обеих боковых пристроек. Мы не можем ни продолжить атаку, ни отойти назад без риска понести тяжелые потери. Я запросил в своем батальоне поддержку огнем тяжелых орудий, но до сих пор не имею отсюда никаких новостей. Ваши люди залегли за нами. Я хотел бы знать, почему ваши подразделения застряли сзади.

Холеный, с приятной внешностью подполковник, адъютант которого выглядел таким же ухоженным, спросил меня несколько высокомерно:

– Да, мой добрый друг, нам не удалось продвинуться вперед настолько, насколько мы планировали. И мы тоже ждем поддержки огнем тяжелой артиллерии. К счастью, к полудню мы получим в свое распоряжение два штурмовых орудия, которые сможем здесь использовать. До тех пор, пока они не подойдут, я вряд ли смогу продолжить наступление, так как моим солдатам на правом фланге приходится лежать головами в грязи из-за этого чертова пулеметного огня, который ведется на вашем участке атаки.

– Когда господин оберст-лейтенант ожидает прибытия штурмовых орудий?

– Через час или через два.

– То есть между 14.00 и 15.00.

– Точно, мой друг. В это время вы можете снова прибыть сюда.

– Если обстановка не изменится до этого времени, я обязательно вернусь.

Я отсалютовал и отправился со своим посыльным назад. Инстинктивно мы старались использовать любое укрытие, как только слышали звук разрыва тяжелого снаряда или при-

ближающийся звук артиллерийского залпа подсказывал нам, что разрывы произойдут где-то неподалеку. Когда я посмотрел на себя, всего перемазанного грязью и насквозь вспотевшего, то понял, почему те господа, представители других родов войск, вели себя со мной так напыщенно. Они не оскорбляли нас напрямую, а мы не обижались на них. Ведь мы были пехотой, «попрыгунчиками по любому бездорожью», как некоторые насмешливо называли нас. Пехота покрывает расстояние в тысячи километров на своих ногах по этой почти бесконечной земле; она обязана вгрызаться в эту землю, чтобы удержать ее за собой. Пехота не может быстро сняться с места и мчаться на транспорте к следующей позиции, как того требует тактическая обстановка. Все марши в наших частях, где грузы перевозят лошади, совершаются в пешем порядке. В любом случае такое отношение к нам не задевало меня.

Я вернулся к себе на КП и проинформировал своего друга Ули Вайнгартнера о ситуации, сложившейся у наших соседей слева. Оберейфрейтор Вильман, возвратившись с батальонного КП, доложил, что майор доктор Циммерман запросил огонь тяжелой артиллерии на нашем участке. Развернутый на другом берегу реки Царицы 3-й батальон гауптмана Риттнера также попал под огонь с южного крыла здания и тоже не сумел продвинуться вперед. Унтер-офицер Павеллек вручил мне кусок хлеба и кружку с холодным кофе. Я быстро проглотил и то и другое. У меня из головы не выходили штурмовые орудия.

Только при поддержке их огня мы могли бы атаковать и захватить высотное здание. Но у нас их не было! А предоставит ли этот оберст-лейтенант Винтер эти орудия в наше распоряжение? Несмотря ни на что, я собирался через час снова встретиться с ним. Появился обер-фельдфебель Якобс, который хотел знать, что происходит у нас на левом фланге. Лейтенант Фухс и фельдфебель Гроссман со своими солдатами так и застряли прямо перед нами. И только удар штурмовых орудий или наступление темноты могли спасти наших товарищей на переднем крае из сложного положения, в котором они оказались. Солнце немилосердно палило над городом. Воздух дрожал от жары, повсюду проникал сладковатый запах разложения. В нашем секторе все казалось мертвым. Отсюда, из тыла, я мог невооруженным взглядом разглядеть нескольких своих солдат. Они пытались подыскать подходящее место для укрытия. Лишь редкие движения показывали, что они еще живы. Я отчетливо чувствовал повисшее повсюду напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.